

В. Г. Белинский

Митя (,) купеческой сынок. Рассказ. Соч. Г...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

МИТЯ (,) КУПЕЧЕСКОЙ СЫНОК. Рассказ. Соч. Г... Санкт-Петербург. В типографии А. Сычева, 1840. В 12-ю д. л. 69 стр.

Вот "Митя (,) купеческой сынок" -- совсем не то, что "Сицкий (,) капитан фрегата". Разница между ими двоякая: заметим сперва первую. "Сицкий" -- произведение трагическое, следовательно серьезное, возбуждающее больше слез, чем смеха, -- и хотя мы довольно представили этому доказательств, однако ж самое разительное и эффектное поберегли с умыслом; вот оно -- слушайте и ужасайтесь. В один день, когда *море было покойно, как душа счастливца, светло, как очи милой, тихо, прелестно, как красная девушка* (ч. 1, стр. 270), неистовому Сицкому вообразилось, что графиня ему изменила и любит другого; он так расхотелся:

Женщины, женщины, порождение ехидны! (люди, люди! порождение ехидны!-- говорит Карл Моор в "Разбойниках" у Шиллера) *питомицы адского коварства!* В них течет змеиная кровь!.. Говорят: есть яд! кто усумнится в этом? Зачем искать его далеко? отдайся женщине и испытаешь! -- Вот где муки, вот терзания страшные, невыносимые!.. Казаться такою пламенной, такою горлицей, так завлечь, приковать к себе, отнять жизнь и душу, лишить всей собственности в самом себе, прикидываться страстной, нежною, слиться душой в душу, и что же? так варварски одурачить!.. Га-а-а! нет, Леонтина, во мне еще найдется сила пренебречь тебя! я буду еще уметь доказать тебе, как ты ничтожна в глазах моих! о, я отплачу тебе! *мечь вечная, ненасытная, загробная!* умри, коварная! Я приду, разрою могилу твою, и не дам лежать праху твоему покойно! -- Гм! какая глупость!.. и пр. (ч. 1, стр. 303--304).

"Митя", напротив, произведение юмористическое, дитя легкого веселия, которым и проникнуто в нем каждое слово, чему следует доказательство:

Вот к ним (,) то есть хозяйке и ключнице (,) *из редка* ездила из модного магазина француженка, шила праздничные платья, чепцы и проч. для хозяйки и дочери...

Митя (,) увидев *ея* (,) влюбился -- влюбился, как дурак, потерялся, перестал шутить и проказничать; ну словом, сделался не в своей тарелке. Давай справляться (,) кто такая эта милая девушка (,) у которой глазки такие черненькия и светленькия, (--) так и блестят (,) словно звездочки, собою такая хорошенькая (--) Н(н)у! М(м)илашка да и только...

Вот сумасшествие, скажут...

Ей (,) други! кто молод не бывал (,) кто в просак не попадался, даже В(в)еликий Наполеон промахнулся...

Долго, долго думали мы, сравнивая между собою эти два произведения, и наконец решительно отдали предпочтение юмористическому: оно по крайней мере не суется в изображение глубоких дум и зверских страстей, которые, кроме воображения плохих романистов, нигде не существуют...

Второе различие между "Сицким" и "Митею" состоит в том, что первый напечатан хоть и очень скромно, но опрятно, знаки препинания почти везде на месте, -- недостает только разве десятков двух запятых, -- орфография вообще довольно правильна; но второй напечатан на оберточной бумаге, и в нем -- что слово, то ошибка против правописания. Язык "Сицкого" довольно гладок и правилен, но бездушен; язык "Мити" -- сама бессмыслица, но жив и пестр. Наконец, "Сицкий" -- *сказка*, "Митя" -- *быль*, как небезосновательно говорят простонародные критики.

Хотя "Митя" напечатан и в Петербурге, но он явно -- не здешний роман, а издание известного Муррая и Лавока¹ -- сочинителей в фризовых шинелях и с небритою бородою, то есть книгопродавца, покупающего рукописи по двадцати и тридцати *рублём* за штуку, чем и дает фризурным "сочинителям"